

АСКЕТИКА

СТРАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СТРАХ БОЖИЙ ПО УЧЕНИЮ прп. НИКИТЫ СТИФАТА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ТРАДИЦИИ

Игумен Дионисий (Шлёнов)

кандидат богословия

профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
dionysij@mail.ru

Для цитирования: *Дионисий (Шлёнов), игум.* Страх человеческий и страх Божий по учению прп. Никиты Стифата в контексте предшествующей традиции // Богословский вестник. 2020. № 4 (39). С. 188–222. DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.011

Аннотация

УДК 27-1 (179)

В статье раскрывается учение автора XI в. прп. Никиты Стифата о страхе человеческом и страхе Божиим. Хотя автор пишет о страхе (φόβος), во многом продолжая и повторяя предшествующую античную и патристическую традицию, он оказывается достаточно оригинальным в описании двух видов добродетельного страха — страха перед наказаниями и страха по любви — с особым акцентом на выражении «чистый страх Божий», который прп. Никита называет также «страхом Святого Духа» и «страхом любви». Согласно прп. Никите, обладающий таким самым высоким страхом пребывает на абсолютной духовной высоте и боится только одного — потерять Бога. В статье приводится ряд параллелей с предшествующей традицией, которые позволяют более рельефно представить мысль прп. Никиты.

Ключевые слова: добродетели, страсти, страх, печаль, любовь, обожение, благодать.

«...человека, вступившего в страх Божий, сам страх Божий ставит на поправление для всех других людей»¹.

Прп. Симеон Новый Богослов

В настоящей статье предполагается исследовать учение аскетического автора XI в. прп. Никиты Стифата о страхе человеческом, или греховном, и о страхе Божиим, или добродетельном², и соотнести это учение с предшествующей традицией³. В греческой христианской литературе основной термин, обозначающий страх — φόβος, — использовался

- 1 См.: *Symeon Neus Theologus*. Catecheses 23:211–214 // SC. 113. P. 30. τὸν δὲ εἰσελθόντα ἄνθρωπον εἰς τὸν φόβον τοῦ Θεοῦ αὐτὸς ὁ τοῦ Θεοῦ φόβος ποιεῖ αὐτὸν γενέσθαι πᾶσιν ἄνθρώποις ἄλλοις καταπάτημα.
- 2 См. о страхе: *Баринов Д. Н.* Страх как феномен человеческого бытия // *Философская мысль*. 2018. № 5. С. 77–82; *Корснес К. Ф. В.* Удел человека в бытии: эссе об экзистенциальном страхе как проявлении человеческого бессилия // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2014. № 1 (29). С. 93–99; *Подорога В. А.* Имя: страх. Об одной экзистенциальной страсти // *Философский журнал*. 2020. Т. 13. № 3. С. 49–66; *Пустовойт Ю. В.* Феномен страха в античной культуре и патристике (этико-философский анализ). Автореферат дис. ... кандидата философских наук / Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого. Тула, 2007; *Пустовойт Ю. В.* Страх как этическая категория в патристике // *Гуманітарні студії*. 2008. № 4. С. 177–180; *Сысолятин А. А.* Страх в пределах человеческого существования // *Казанская наука*. 2014. № 5. С. 87–90; *Фаизова Г. И.* Страх как важнейшая характеристика человеческого бытия // *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13. № 3. С. 628–629.
О страхе Божиим: *Дионисий (Шлёнов), игум.* Страх Божий и страх человеческий // *Встреча*. 2020. № 1 (41). С. 26–29; *Логиновский С. С.* Страх Божий и дерзость как способы организации социального бытия в социальной мысли аввы Дорофея Газского // *Традиционные общества: неизвестное прошлое*. Материалы XV Международной научно-практической конференции / под редакцией П. Б. Уварова. Челябинск, 2019. С. 96–105; *Мельникова А. П.* Феномен страха Божьего в учении о спасении святителя Феофана Затворника // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. 2003. № 24. С. 25–30; *Мухамедьянов С. А.* Страх Божий и страх учительский // *Педагогический альманах*. Сборник трудов преподавателей кафедры педагогики. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, 1998. С. 43–47; *Пустовойт Ю. В.* «Страх Божий» и его современное понимание: к вопросу о «растлении смыслов» // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2013. Т. 4. № 5 (12). С. 290–294; *Ростова Н. Н.* Амбивалентность сакрального и страх Божий // *Философия и культура*. 2014. № 6 (78). С. 849–871.
- 3 Данный подход продолжает ряд статей по сходной аскетической тематике: *Дионисий (Шлёнов), игум.* Принцип «Познай себя» у прп. Никиты Стифата в контексте византийской традиции // *БВ*. 2018. № 1 (28). С. 96–126; *Он же.* Учение прп. Никиты Стифата о «четырех главных добродетелях» в контексте античной и византийской литературы. Ч. 1, 2 // *БВ*. 2019. № 1 (32). С. 192–231; № 2 (33). С. 178–203.

для обозначения и страха Божия, и других страхов, в том числе страха греховного, человеческого.

Прп. Никита Стифат в основном корпусе своих сочинений использовал термин «страх» (φόβος) 42 раза⁴:

- в «Сотницах» — 20 раз,
- в «Житии Симеона» — 10 раз,
- в «Слове о душе» — 6 раз,
- в «Слове о рае» — 3 раза,
- в Пятом послании — 1 раз,
- в «Диалексисе и Антидиалоге против латинян» — 1 раз.

Из краткого обзора использований термина «страх» видно, что в тридцати двух случаях автор пишет о страхе Божиим⁵ или о таком добродетельном страхе, который так или иначе оказывается очень близким к понятию страха Божия. В восьми случаях (при двух многозначных⁶) имеется в виду человеческий страх и в четырех — страх перед демонами или всеваемый демонами⁷. Грань между человеческим страхом и страхом перед демонами не всегда возможно провести четко, но в любом случае прп. Никита обозначает понятием «страх» греховный или страстный порыв.

Более детальное рассмотрение упоминаний о страхе у прп. Никиты Стифата позволит реконструировать одну из неизученных страниц его аскетического учения.

4 В доступном корпусе сочинений прп. Симеона Нового Богослова (на ресурсе tlg.uci.edu) термин «страх» используется 191 раз, а у прп. Симеона Благоговейного — 5 раз.

5 Например: *Nicetas Stethatus. Vita Simeonis Novi Theologici* 61:18–19 // OC. 12. P. 82.

6 Так, например: «будучи исполнен радостью и всяческой любовью, ведь всякий страх, очевидно, убежал /от него/...» (*Nicetas Stethatus. Centuria 2, 100* // PG. 120. Col. 952C:12–13). В данном случае автор мог иметь в виду изгнание страха греховного и страха перед наказаниями, свойственного новоначальным. Второй многозначный случай, с нашей точки зрения, таков: «А если после кончины и разрешения, нужно исследовать, совершается ли исход без страха...» (*Nicetas Stethatus. Centuria 3, 97* // PG. 120. Col. 1005D:7–8).

7 Ср.: *Nicetas Stethatus. Vita Simeonis Novi Theologici* 7:7 // OC. 12. P. 14.

І. Страх человеческий

1. Греховный страх, согласно прп. Никите

Учению прп. Никиты свойственно античное представление о страхе как о страсти, которая может иметь нейтральный характер, а в действительности приобретает или положительное движение ко спасению или, напротив, окончательное движение к гибели и вечной смерти. Так, в первом трактате Трилогии «О душе» он ясно называет страх одной из страстей души: «Природе же души совершенно чужды и никоим образом не свойственны зависть, злопамятность, страстная боязнь и страх, ибо это страсти души, а не ее свойства»⁸. В данном случае прп. Никита исходит из представления о природе души как доброй и благой, изначально сотворенной Богом вне человеческой страстности и греховности. А сам страх он называет страстью, подразумевая именно греховное, предельно опасное, болезненное состояние.

В трактате «О рае» прп. Никита выделяет в особую группу «страх и печаль», которые являются разными греховными аспектами страдания: «Каковы же эти плоды (то есть растений умопостигаемого рая)? Удовольствие и страдание, из которых каждое, в свою очередь, разделяется на две части: удовольствие — на естественную и необходимую потребность и на распутство с пресыщением, а страдание — на страх и печаль и на духовные подвиги и труды»⁹. «В таком случае приобщение к ней превращается в распутство или пресыщение; через них она приводит к уразумению зла от вкушения, которое оказывается страданием, доставляющим душе страх и печаль. Итак, удовольствие приводит душу к уразумению добра, когда используется для нужды естественной и необходимой, а страдание, напротив, — к уразумению зла, когда приобщение удовольствию происходит не по естественной необходимости; в силу этого всякое удовольствие сменяется страданием»¹⁰. Используя антитезу «удовольствие/страдание», прп. Никита Стифат отождествляет страдание со страхом и печалью: если страдающий человек не направит свое страдание на подлинное благо, то встанет на путь греха и порока.

8 *Nicetas Stethatus*. De anima 69 // SC. 81. P. 130. Рус. пер.: *Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. Богословские сочинения / пер. с древнегреч. игум. Дионисий (Шлёнов). Сергиев Посад, 2011. С. 49–50.

9 *Nicetas Stethatus*. De paradiso 21 // SC. 81. P. 178. Рус. пер.: *Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. С. 73.

10 *Nicetas Stethatus*. De paradiso 21 // SC. 81. P. 178, 180. Рус. пер.: *Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. С. 74.

Описывая состояние сна греховного человека, прп. Никита указывает: «Если же [у кого душа] гневлива и завистлива, того преследуют звери и ядовитые змеи и охватывают страхи и трусость»¹¹. В данном случае он связывает страх со страстью гнева, особо указывая на то, что гневающийся человек, по сути, не храбрец, а, наоборот, трус.

В целом, по учению прп. Никиты Стифата, греховный страх, или страх перед демонами, оказывается обратной стороной совершенного страха. Если страх Божий является «чистым»¹², то обратный страх является «страшным»¹³. Он тождествен трусости и сопровождает тех, кто движется в ад без надежды покинуть его пределы¹⁴.

Подобно тому как рай — это состояние не только посмертное, но и прижизненное в переносном духовном смысле¹⁵, так и ад — это состояние не только посмертное, но и прижизненное¹⁶. Пребывающий в прижизненном аду испытывает особые чувства страха. Для людей, имеющих в себе некий добродетельный залог спасения, крайний страх во аде оказывается испытательным и позволяющим покинуть это мрачное царство злобы¹⁷, а для людей, имеющих в себе непомерную ношу страстей, страх оказывается спутником, сопровождающим их в погибель¹⁸. Автор делает особый акцент на страхе перед демонами¹⁹, в то же самое время прекрасно оценивая и понимая опасности, исходящие от греховного и несовершенного страха человеческого.

11 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 60 // PG. 120. Col. 929A:3–5.

12 *Nicetas Stethatus*. De anima 79:11 // SC. 81. P. 146. Рус. пер.: *Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. С. 73. В рус. пер. «в священном страхе» соответствует выражению ἐν ἁγῶν φόβῳ.

13 *Nicetas Stethatus*. Centuria 1, 56 // PG. 120. Col. 876D:9.

14 *Nicetas Stethatus*. De anima 81 // SC. 81. P. 146. Рус. пер.: *Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. С. 57–58.

15 См.: *Дионисий (Шлёнов), игум.* Тайна Рая: отрывки о рае из богословских сочинений преп. Никиты Стифата по славянской «Диоптре» Филиппа Пустынника (с богословско-экзегетическим комментарием) // БВ. 2003. № 3. С. 70–128 (в частности: *Никита Стифат, прп.* Что есть новое небо? [публикация слав. текста и рус. пер.] // БВ. 2003. № 3. С. 79–90; *Он же.* Учение о воскресении души у свв. Симеона Нового Богослова и Никиты Стифата // Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие: Материалы Второй международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. М., 2017. С. 341–362.

16 Ср.: (Соблюдающий заповеди Божии) — «жизнь, потому что словами своей беседы оживляет умерщвленных страстями и воскрешает их из ада отчаяния» (*Niceta Stethatus*. Centuria 1, 79 // PG. 120. Col. 888C:14–D:2).

17 См.: *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 49 // PG. 120. Col. 921–924.

18 Ibid.

19 См.: *Nicetas Stethatus*. De anima 81 // SC. 81. P. 146, 148. Рус. пер.: *Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. С. 58.

2. Страх как страсть в античной и христианской традиции

Для лучшего понимания представлений прп. Никиты Стифата о страхе человеческом можно предложить несколько параллелей из предшествующей античной и христианской традиции.

В античности²⁰ были распространены представления первоначально о двух, а потом о четырех главных добродетелях и четырех главных страстях. Так, в сохранившихся на «Илиаду» содержится свидетельство о первоначальном двоичном числе самых тяжелых страстей: «Подобно тому, говорят, как два ветра по обыкновению приводят в смущение море из глубины, так и элины приходили в смятение от двух самых тяжелых страстей — печали и страха»²¹.

Согласно Аристотелю, страх соответствует гневной части души, печаль — желательной, а стыд — разумной, при этом они относятся к трем главным силам души как вид к роду²².

В соответствии с классификацией, принятой в стоической философии²³, страх был одной из четырех главных родовых страстей, наряду с печалью, пожеланием и удовольствием²⁴. В частности, об этом писал ранний стоик Зенон Китийский, перечисляя страсти в следующем порядке: пожелание, страх, печаль, удовольствие²⁵. Стоики рассматривали данные страсти как «нерациональные и противоестественные» и предлагали заниматься не столько их урегулированием, сколько избавлением от них²⁶.

Среди четырех самых главных страстей некоторые авторы выделяли первые и последующие. Так, например, представитель более поздней стоической школы Арий Дидим указывал: «При таком положении страсти можно предположить, что одни (страсти) являются первыми и первоначальными, а другие имеют к ним отношение. К первым относятся по роду следующие: пожелание, страх, печаль, удовольствие.

20 Ср. общее определение страха у Хрисиппа: «Страх же — неразумное уклонение; или бегство от ожидаемого зла» (*Chrysippus. Fragmenta moralia* 391:6. φόβος δὲ ἄλογος ἔκκλισις ἢ φυγή ἀπὸ προσδοκωμένου δεινοῦ).

21 Ср.: *Scholia in Iliadem (scholia vetera)* (= *D scholia*) Lib. 9, 4. Scholion L. 4–8.

22 См.: *Aristoteles. Topica // Topica et sophisticī elenchi* / ed. W. D. Ross. Oxford, 1958. Bekker P. 126a:3–10.

23 *Colpeston F. A History of Philosophy. Vol. I. Greece and Rome. New York; London; Toronto; Sydney; Auckland, 1993. P. 398.*

24 *Chrysippus. Fragmenta moralia* 391:1–3. «Самых главных страстей четыре — печаль, страх, пожелание, удовольствие». τὰ δὲ γενικώτερα πάθη τέσσαρα· λύπη, φόβος, ἐπιθυμία, ἡδονή.

25 *Zeno. Testimonia et fragmenta* 211:3–4.

26 *Colpeston F. A History of Philosophy. P. 398.*

Так вот пожелание и страх предшествуют: одно — в отношении кажущегося блага, а другое — в отношении кажущегося зла. А следуют за ними удовольствие и печаль...»²⁷

Согласно данному фрагменту из Ария Дидима, страх первичен не только по отношению к другим второстепенным страстям, но и к одной из четырех «родовых страстей» — печали.

В отличие от такого дифференцированного подхода, Филон Александрийский указывал на печаль и страх как на самые болезненные страсти²⁸, предвывая тем самым будущие аскетические классификации страстей. Филон Александрийский представил следующую общую антропологическую картину: мы управляемся девятью царями, а именно: четырьмя страстями и пятью чувствами, при этом пять чувств подчиняются четырем страстям (в вышеприведенном составе)²⁹. При этом страсть, в частности страсть страха, по Филону, — нейтральное состояние, которое может быть и отрицательным, и положительным, что соответствует общему античному определению Хрисиппа: страх — «избежание надлежащего зла» (φύγη ὡς ἐπιφερομένου κακοῦ)³⁰.

Согласно Плутарху, человеку на телесном уровне свойственны страсти печали и страха, а душе человека особо присуще зло в виде четырех бед: бедность, болезнь, бесславие и смерть³¹. Однако приписывание страха телесному уровню — нетрадиционный для философии взгляд: Гален относит печаль и страх, наряду с другими страстями, именно к душевным недугам³²; так, в число пяти душевных страстей входят: слово, забота, страх, гнев и печаль³³, что отразилось и в христианской аскетике.

Учение о родовых страстях, как и учение о родовых добродетелях³⁴, было интегрировано в христианскую традицию. Климент

27 См.: *Arius Didymus. Liber de philosophorum sectis* (epitome ap. Stobaeum) // *Fragmenta philosophorum Graecorum* / ed. F. W. A. Mullach. Vol. 2. Paris, 1867. Col. 74,1:6–13.

28 *Philo Judaeus. Quod deterius potiori insidiari solet* 119:4–6 // *Les Œuvres de Philon d'Alexandrie* / éd. I. Feuer. Vol. 5. Lyon, 1965. P. 92:13–15.

29 *Philo Judaeus. De Abrahamo* 236:3–5 // *Les Œuvres de Philon d'Alexandrie* / éd. J. Gorez. Vol. 20. Lyon, 1966). P. 118:4–14.

30 *Chrysippus. Fragmenta moralia* 391:6.

31 *Plutarchus. De libidine et aegritudine* 7:15–16. «Поэтому печаль и страх по необходимости являются страстями человека, а не души...».

32 *Galenus. Ars medica* // *Claudii Galeni Opera omnia* / ed. C. G. Kühn. Vol. 1. Leipzig, 1821 (Hildesheim, 1964). Vol. 1. P. 371:10–12.

33 *Galenus. De crisis libri III* // Kühn Vol. 9. P. 697:1–2.

34 См.: *Дионисий (Шлёнов), игум.* Учение о четырех родовых добродетелях добродетелях в трактате *De virtutibus et passionibus*, приписываемому прп. Ефрему Сирину, в контексте греческой патристической традиции // Преподобный Ефрем Сирин и его

Александрийский знал о перечне четырех родовых страстей, по крайней мере, когда ссылался на Аристона³⁵.

Епископ Немезий Эмесский выделял среди четырех страстей две добродетельные и две греховные: удовольствие и пожелание в отличие от печали и страха. Удовольствие противоположно печали, а пожелание — страху, то есть удовольствие и желание — блага, а печаль и страх — злые проявления: «Ожидаемым благом является пожелание, а уже наличествующим — удовольствие; и наоборот, ожидаемым злом — страх, а наличествующим — печаль; потому что удовольствие и пожелание относятся к области благого, а страх и печаль — к области дурного»³⁶. Данный подход подтверждает, что две самые главные страсти античности оставались таковыми и в христианскую эпоху. Епископ Немезий, оказавший особое влияние на антропологию прп. Иоанна Дамаскина, в данной классификации достаточно близок и к аналогичным рассуждениям прп. Никиты Стифата, которые будут приведены ниже.

В христианской аскетической традиции, начиная с Евагрия³⁷, печаль войдет в традиционный перечень греховных страстей, а страх будет описываться как одна из основных страстей или грехов. В классификации Евагрия страх, потеряв статус полноценной страсти, начинает рассматриваться как одна из разновидностей страсти уныния.

Как видно из обсуждения четырех родовых страстей у прп. Максима Исповедника³⁸, стоическая классификация страстей сохраняла актуальность и в VII в. В аскетическом синтезе самого прп. Максима отдельные родовые страсти, а именно удовольствие и печаль, занимали центральное место, оказав большое влияние на развитие дальнейшей аскетической традиции³⁹.

духовное наследие. Материалы Четвертой международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. Москва, 27–29 апреля 2017 года / под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева). М., 2019. С. 352–364; Он же. Учение прп. Никиты Стифата о «четыре главных добродетелях».

35 *Clemens Alexandrinus*. Stromata 2, 20, 108, 1:1–2 // GCS. 15. S. 172.

36 *Nemesius*. De natura hominis 17 // *Nemesii Emeseni De natura hominis* / ed. M. Morani. Leipzig, 1987. P. 75:15–18.

37 *Evagrius*. Practicus (capita centum) 6 // SC. 171. P. 506, 508.

38 См.: *Maximus Confessor*. Quaestiones ad Thalassium 1:2–4 // CCSG. 7. P. 47. См. также учение прп. Максима Исповедника о четырех «родовых добродетелях»: *Maximus Confessor*. Quaestiones ad Thalassium 55:143–145 // CCSG. 7. P. 489.

39 См., в частности: *Μπετσάκος Β.* Τα πάθη της φύσης και του προσώπου στον Αριστοτέλη και τον Μάξιμο Ομολογητή // Σύναξη. 2005. Τεύχος 93. Παιδείας Παιδέματα. Φεβρουάριος. Σ. 16–29.

В последующей византийской литературе встречались значительно более детальные описания греховного страха, например, у Романа Сладкопевца, который писал о «первом страхе» и «втором трепете» как о греховных состояниях внешних мудрецов:

«Поскольку сочли мудрецы,
что вся поднебесная пришла в хаос от дыхания,
Все смежили в страхе очи.
И вот случилось иное страшнейшее,
И к первому страху второй трепет добавили
Соответствующие чудеса»⁴⁰.

В сравнении с античной традицией можно отметить, что в Священном Писании Ветхого и Нового Завета страх никогда не назывался страстью, за исключением одного стиха в самой «эллинистической» 4 Маккавейской книге, где говорится о гневе, страхе и огорчении как о страстях, препятствующих мужеству (4 Макк. 1, 4)⁴¹.

3. Выводы

Из описаний страха человеческого у прп. Никиты Стифата можно сделать следующие выводы.

- При указании на то, что страсть страха не является свойством души, прп. Никита в целом согласен с мыслью Аристотеля о том, что страх — это вид, но не род⁴², и разделяет последующее стоическое неприятие страстей в стремлении к достижению идеала бесстрастия. Согласно такому подходу, страх или боязнь — это противоестественная страсть души.
- В рамках стоического учения о страстях, страх и печаль являются отрицательными результатами страдания.
- Описания или упоминания страха греховного значительно уступают описаниям или упоминаниям страха Божия, что в целом подчеркивает большую соотнесенность прп. Никиты

40 *Romanus Melodus. Cantica* 49, 9:3–5 // SC. 283. P. 192.

41 См.: 4 Макк. 1, 3.4. Ср. рус. пер. еп. Порфирия (Успенского): «Итак, оная разсудительность сдерживает ли страсти, кои препятствуют воздержанию, как то чревоугодие и похотливость; и овладевает ли страстями, воспящающими справедливость, например злонравием, и страстями, кои запинаят мужество, как то гневом и огорчением и страхом» (4-я Маккавейская книга в переводе еп. Порфирия (Успенского) // Труды КДА. 1873. № 11. С. 69).

42 См. выше.

Стифата в учении о страхе с библейской и патристической традицией, как будет показано далее.

- Исходя из представлений о страхе как о некоем нейтральном состоянии, прп. Никита пишет о том, что страх не даёт человеку, обремененному страстями, подняться из бездны, подразумевая при этом, что причина заточения в бездне — не страх, а греховные страсти.

II. Страх Божий

1. Страх Божий и чистый страх как два этапа духовного совершенства, по учению прп. Никиты

В наследии прп. Никиты представления о страхе Божиим становятся постоянным лейтмотивом, в котором можно выявить ряд характерных черт. Автор отчасти пользуется античными терминами и подходами для того, чтобы передать строгое аскетическое учение, которое стремилось опереться не столько на философское, сколько на святоотеческое духовное основание. Самая главная особенность автора — стремление вписать добродетель страха Божия в свою аскетическо-мистическую систему с акцентом на деянии, созерцании и соединении с Богом. Прп. Никита пишет о первом страхе перед наказаниями и втором, чистом, страхе Божиим, свойственном совершенным — в общем соответствии со своим учением о первом и втором бесстрастии⁴³.

Первый страх перед наказаниями оказывается достаточно значимым и представлен в ряде описаний, достаточно согласованных друг с другом.

1.1. Страх как начало духовного пути

В Сотнице 2, 48 прп. Никита устанавливает следующую последовательность добродетелей: страх — воздержание — целомудрие, свойственное

43 Учение о первом и втором страхе соответствует учению о первом и втором бесстрастии, которое содержится в наследии прп. Никиты Стифата под влиянием прп. Симеона Нового Богослова (учение о двух видах бесстрастия в: *Symeon Neus Theologus*. Centuria 1, 94 // SC. 51. P. 68) и в контексте предшествующей традиции (в частности, учение прп. Максима Исповедника о четырех видах бесстрастия. *Maximus Confessor*. Quaestiones ad Thalassium 55:200–211 // CCSG. 7. P. 493). См.: Τσάμης Δ. Γ. Ἡ τελείωσις τοῦ ἀνθρώπου κατὰ Νικήταν τὸν Στηθάτον. Θεσσαλονίκη, 1971. (Ἀνάλεκτα Βλατάδων; τ. 11). Σ. 93.

разумному началу⁴⁴. В этой последовательности предполагается, что страх — начальная точка на пути духовного совершенства.

В следующей Сотнице 2, 49 страх оказывается началом внутреннего перерождения души на благо. Прп. Никита описывает этот страх в мрачных чертах предельного утеснения и сжатия — как страх той души, которая временно пребывает в условиях ада, но через терпение получает надежду на спасение и реальный путь к нему. Иными словами, страх перед судом позволяет избавиться от суда, страх перед адом позволяет избавиться от греховного ада страстей. В данном очень динамичном и стремительном описании страх продолжает оставаться отправной точкой человеческого спасения. Прп. Никита не называет этот страх страхом Божиим, но подразумевает подлинное ощущение суда Божия, то есть данный страх соотносит душу именно с Богом, а не с людьми или демонами. «Страх, соединившись прежде с душой, делает так, что она через покаяние начинает носить в себе плод — помышление о суде»⁴⁵.

Страх перед наказаниями⁴⁶ именуется прп. Никитой также «страхом мучения», который стоит в одном ряду с «трусами доброделания»⁴⁷.

1.2. Страх как постоянный инструмент спасения

Страх, по аскетическому учению прп. Никиты, — это не только отправная точка, но и постоянная добродетель, позволяющая идти путем Христовым⁴⁸. В Сотнице 2, 88 излагается целая теория восхождения к Богу: от страха Божия к «чистому страху Духа». Приведем полностью данный текст: «Семь есть даров Духа. Слово, начиная с начала, перечисляет их, [полагая первой] премудрость, и нисходит в конце до божественного страха Духа, говоря: “Дух премудрости, дух разума, дух света, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, дух страха Божия” (Ис. 11, 2.3). Нам же надлежит начинать с очищающего страха, то есть

44 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 48 // PG. 120. Col. 000. «Ничто другое так не свойственно разумному началу, как чистота и целомудрие души. А мать их — всеобъемлющее и любимое воздержание, отец которого — страх. И он (страх), обратившись в вождение и соединившись со стремлением к божественным вещам, соделывает душу бесстрашной и исполненной любовью к Богу и родительницей божественного разума».

45 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 49 // PG. 120. Col. 921D:8–9.

46 Об очищающем первом страхе, особо важном для новоначальных см.: *Τσάρης Δ. Γ. Ἡ τελείωσις τοῦ ἀνθρώπου κατὰ Νικήταν τὸν Στηθάτον*. Σ. 71.

47 См.: *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 99 // PG. 120. Col. 952B:3–4.

48 См.: *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 65 // PG. 120. Col. 932.

со страха мучений, чтобы, прежде при помощи его надлежащим образом удержавшись от зла и покаянием очистившись от скверн греха, мы достигли этим [страхом] *чистого страха* Духа (см. Пс. 18, 10), идя к нему надлежащим путем и завершая в нем всякое делание добродетели»⁴⁹.

Согласно данному тексту, прп. Никита пишет о страхе Божиим как об отправной добродетели, позволяющей в конце концов достичь добродетели чистого страха. Поскольку перечисление семи даров Духа начиналось с дара премудрости и заканчивалось даром страха Божия, а обратный путь описывается как начинающийся от страха Божия и заканчивающийся чистым страхом Духа, можно отождествить состояние того, кто имеет чистый страх Духа с седьмым и самым совершенным даром — даром премудрости. Это отождествление тем более уместно на основании стиха из Притчей Соломоновых: «*Начало премудрости — страх Божий*» (Притч. 1, 7), который цитируется прп. Никитой в следующей главе⁵⁰. Отождествление чистого страха и премудрости подчеркивает исключительное значение добродетели страха, позволяющей достичь высот святости и остаться среди них.

1.3. Достижение духовной высоты

В Сотнице 2, 89 подробно описано состояние того, кто достиг чистого страха Духа. «Начавший со страха суда и преуспевающий в достижении чистоты сердечной слезами покаяния, исполняется, во-первых, премудростью, так как и ее начало — страх, по реченному (см. Притч. 1, 7), потом разумом и сразу за тем советом, при помощи которого избирает советование себе полезного. Достигший же этого деланием заповедей восходит к знанию сущих и получает точнейшее ведение божественных и человеческих вещей. А потому, весь став жилищем благочестия, взойдя в вышний град любви, он делается совершенным. И тотчас чистый страх Духа охватывает его, чтобы сохранить вложенное в него сокровище Царствия Небесного. Этот страх, будучи весьма спасительным, того, кто поднялся на возвышенность любви, приводит в трепет и готовность на подвиг из страха, как бы не ниспасть с такой высоты любви Божией и опять не быть вверженным в ужасный страх мучения»⁵¹.

В этом описании возвышенный чистый страх Духа своеобразно удерживает, не позволяет потерять приобретенную святость и единение

49 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 88 // PG. 120. Col. 944.

50 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 89 // PG. 120. Col. 944D:4.

51 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 89 // PG. 120. Col. 944–945.

с Богом. Путь от страха наказания к приобретению чистого страха — это одновременно путь, ведущий к достижению сокровищ мудрости и ведения, ключевых для монаха и делающих его действительно и по-настоящему занимающим самые высокие иерархические ступени наравне с епископом и выше его⁵². Высота, на которой удерживается чистый страх, — это высота христианской любви, устремленной к Богу.

Состояние святости при жизни, где не находится уже места для трусливого греховного страха или для страха перед наказаниями, плодотворного для духовной жизни, продолжается и посмертно, где любовь по-прежнему изгоняет страх на недостижимом новом духовном уровне: «...и обогатившийся Его божественными дарованиями, будучи исполнен радостью и всяческой любовью, ведь всякий страх, очевидно, убежал [от него], радостно освобождается от уз тела и с радостью удаляется от видимых [вещей]...»⁵³.

В Сотнице 3, 53 продолжается описание второго совершенного страха, который автором именуется страхом любви: «И богодолжно погружившись разумениями в созерцание [Сущего], она наслаждается со страхом любви плодами бессмертных растений...»⁵⁴. Описание мистического исхождения души в священном экстазе за пределы самой себя и всего земного передаётся антиномичным словосочетанием «страх любви», которое у других авторов не встречается. Данное выражение уясняется из следующего фрагмента трактата «О рае»: «[Святой Дух] учит их (то есть достигших совершенства) непреткновенному и правому *благочестию* и, наконец, даёт им в охранение и чистый *страх*, исходящий от великой любви Божией»⁵⁵.

Следует отметить, что в данном учении о любви, изгоняющей страх, прп. Никита зависит от духовного учения своего духовного наставника, прп. Симеона Нового Богослова, который специально посвятил данной теме знаменитый семнадцатый гимн, который будет рассмотрен ниже. Однако если, по учению самого прп. Симеона, любовь ничего не оставляет от страха, то, по учению прп. Никиты, любовь изгоняет страх несовершенный, в то время как чистый страх Божий оказывается величайшим даром Божественной любви.

52 См.: Дионисий (Шлёнов), игум. Фрагмент о приобщении «знанию и мудрости» в трактате «Об иерархии» (32–40) преподобного Никиты Стифата и его контекст // БВ. 2017. Т. 24–25. № 1–2. С. 199–236.

53 *Nicetas Stethatus*. Centuria 2, 100 // PG. 120. Col. 952C:10–13.

54 *Nicetas Stethatus*. Centuria 3, 53 // PG. 120. Col. 980D:3–5.

55 *Nicetas Stethatus*. De paradiso 56 // SC. 81. P. 222.

2. Страх как добродетель

В учении о страхе Божиим прп. Никита исходил из представлений о страхе как о добродетели, которые сложились в рамках аскетической монашеской традиции.

У древних аскетических писателей страх Божий стал все более осознаваться как самая ценная монашеская добродетель. Например, прп. Феодор Студит писал: «Нет ничего большего страха Божия и ничего более важного, чем спасение души. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир и повредит своей душе?* (Мф. 16, 26; Мк. 8, 36)»⁵⁶ А в греческом корпусе, приписываемом прп. Ефрему Сирину, страх Божий сравнивается с самым драгоценным металлом — золотом: «Пища монаху на пути — благочестие со страхом Божиим. А страх Господень — испытанное золото, и приобретший его не будет оставлен»⁵⁷. Страх Божий не то, что дано, а то, что нужно приобрести постоянным молитвенным трудом, пребывая в келье: «Если с благочестием будет делать человек свою келью»⁵⁸, он не упадет, потому что Бог находится перед ним. И как я вижу, из этой кельи приобретает человек страх Божий»⁵⁹. У аввы Дорофея эта мысль выражена еще острее: «Сказали отцы, что человек приобретает страх Божий от обладания памятью смерти и памятью мучений, и от вечернего исследования себя, как провел день, и утром снова от исследования, как провел ночь...»⁶⁰.

В аскетической литературе страх Божий неоднократно перечислялся как одна из добродетелей во взаимосвязи с другими. К примеру, прп. Максим Исповедник предлагал следующую цепочку взаимосвязанных добродетелей: вера в Господа, страх Божий, всеохватывающее воздержание, терпение и долготерпение, надежда, бесстрашие, любовь⁶¹. В целом страх Божий — синоним любой добродетели. По прп. Варсанофию и Иоанну, «любая вещь, которую сделает человек по страху Божию, приносит пользу его душе»⁶².

Свт. Афанасий Великий именовал страх первым в ряду других добродетелей⁶³. Первое место страха Божия постепенно становилось все

56 *Theodorus Studites. Epistula 440:19–22 // CFHB. XXXI/2. S. 619.*

57 См.: *Ephraem Syrus. Ad imitationem proverbiorum // Οσίου Ἐφραίμ τοῦ Σύρου Ἔργα / ἔδ. Κ. Γ. Φραντζολᾶς. Τ. 1. Θεσσαλονίκη, 1988 (1995). Σ. 247.*

58 Дословно: седалище.

59 *Aprophetegmata patrum (collectio alphabetica). Abbas Poemen 175 // PG. 65. Col. 364D:7–11.*

60 *Dorotheus. Doctrinae diversae I–XVII 4, 52:1–5 // SC. 92. P. 230–232.*

61 *Maximus Confessor. Capita de caritate 1, 2 // Massimo Confessore. Capitoli sulla carita / ed. A. Ceresa-Gastaldo. Rome, 1963. P. 50.*

62 *Barsanuphius, Joannes. Epistula 205:14–15 // SC. 427. P. 664.*

63 *Athanasius. Expositiones in Psalmos XXXIII // PG. 27. Col. 168:52–169:5.*

более определяющим для аскетической жизни. Возможная аскетическая формула: первое — страх Божий, а второе — аскетическая жизнь с приобретением всех добродетелей. Свт. Амфилохий оставил поэтическое наиздание Селевку:

«Во-первых, страх и любовь имей
 Божию; ибо Бог для всех началом и концом
 Становится благомыслящих всего жития.
 А во-вторых, упражняйся в образе, чадо,
 Кротком, смиренном, воздержанном, твердом, сладком,
 Непреткновенном, справедливым, храбром, мудром,
 Чистом, любящем дело, устойчивом и целомудренном!»⁶⁴.

Итак, страх Божий — это ключевая добродетель, особо необходимая новоначальным, но и свойственная всей жизни христианина.

3. Учение о двух этапах страха

Прп. Никита Стифат описывает два уровня страха Божия: страх, свойственный новоначальным, и страх, свойственный совершенным. Представления о страхе Божиим как о начальной добродетели связаны с понятием «первый страх», а представления об особом всеосвершенном страхе передаются понятием «второй страх». Это особое учение о первом и втором страхе имеет определенную предысторию в патристической традиции.

В дохристианской внебиблейской литературе учение о первом и втором страхе не встречается. Первые упоминания о страхе в соотнесении с начальным или более совершенными этапами духовного пути встречается у представителей александрийской созерцательной традиции.

3.1. Страх как начальная точка духовного пути

Климент Александрийский в «Строматах» указал на три этапа духовного пути: страх, надежда и любовь: «Так вот, первая степень спасения — учение о страхе, через которое мы воздерживаемся от несправедливости, а вторая — надежда, через которую мы стремимся к лучшему, приводит же к совершенству любовь, как подобает, уже воспитывая познавательно»⁶⁵.

64 *Amphilochius. Iambi ad Seleucum. L. 5–13 // PTS. 9. P. 29.*

65 *Clemens Alexandrinus. Stromata 4, 7, 53:1–5 // GCS. 15. S. 272:19–23.*

Свт. Григорий Нисский писал о страхе Господа и о познании Господа как о первом подвиге, а о любви — как о втором: «Если ты нашел познание Бога и легко понял страх Божий, ты и следующего достигнешь, а подразумеваю любовь к ближнему: ведь когда приобретено с трудом первое и великое, [тогда] второе, будучи меньшим, без труда следует за первым, но если то отсутствует, то и второе не сможет произойти чисто»⁶⁶.

У Евагрия Понтийского, родоначальника классической схемы страстей как восьми греховных помыслов, содержится указание на определяющую роль страха суда, тождественного страху Божию, в процессе духовного совершенства. Приведем полностью текст из Евагрия, в котором страху отводится ключевое место в борьбе с помыслами: «Ищи, во-первых, претрудно врожденный страх, и тогда внутри ты найдешь опытного Логоса, научающего человека знанию. [Логос] же спрошенный и о страхе так отвечал: “Имеющий своей заботой память о смерти ведется и к страху перед судом”. Благодаря страху становись постоянно собеседником Божественных Писаний, ибо пребыванием вместе с ними ты избавишься от беседы с помыслами. Тот, кто, занимаясь, складывает, как сокровище, Писания в сердце, легко изгоняет из него помыслы»⁶⁷.

Евагрий прямо не пишет о первом и втором страхе, но совершенно очевидно, что он подразумевает страх, свойственный новоначальным, и страх, свойственный совершенным, занимающимся молитвой Иисусовой. Страх суда и является страхом пред Богом — страхом самого сурового наказания, которое произойдет в конце веков. Как видно из процитированного отрывка, страх перед судом, согласно учению Евагрия, — это не страх, который охватит человека в момент Страшного Суда при Втором Пришествии Спасителя, а постоянный страх, который является определяющим условием для возможности постоянной беседы со Второй Ипостасью Святой Троицы — Логосом и тем самым, с точки зрения монашеской аскетической традиции, условием для непрестанной молитвы Иисусовой. В этой беседе сокрыта величайшая награда, которую только и может ожидать человек, — подлинное богообщение.

Более ясные определения были даны аввой Дорофеем. В четвертом «Душеполезном поучении» он писал о «вводном страхе» и о «совершенном страхе святых» или «страхе Божиим», соответствующем более высокому этапу духовного роста. В учении аввы Дорофея «вводный страх», или «страх, свойственный новоначальным», является причиной

66 См.: *Gregorius Nyssenus. De instituto Christiano // Gregorii Nysseni Opera / hrsg. von W. Jaeger. Bd. 8.1. Leiden, 1963. S. 72:2–10.*

67 *Evagrius. Tractatus ad Eulogium (sub nomine Nili Ancyran) 20 // PG. 79. Col. 1120:21–29.*

более совершенного «страха Божия», который появляется от «обладания памятью смерти или памятью мучений»⁶⁸. Очевидно, что авва Дорофей отождествляет страх перед наказаниями с памятью смертной, которая иначе называется памятью о мучениях, что и означает страх перед мучениями или наказаниями. Следует также отметить, что авва Дорофей при раскрытии данной мысли ссылается на отцов: «Отцы сказали...» — очевидно, имея в виду и своих непосредственных духовных отцов прп. Варсонофия и Иоанна⁶⁹, с которыми он состоял в переписке.

Ясно и определенно учить о первом и втором страхе стал прп. Максим Исповедник, используя эпитеты «первый» и «второй». Так, в «Главах о любви» 1, 82 он писал: «Первый страх во вне изгоняется совершенной любовью из души, приобретшей ее, которая уже не боится наказания; а второй она имеет с собой всегда в сочетании. И первому страху подходит: “*Страхом Господним уклоняется всякий от зла*” (Притч. 16, 6; ср. Иов. 1, 1; Притч. 3, 7) — и: “*Начало премудрости страх Господень*” (Притч. 1, 7). А второму: “*Страх Господень чист, пребывая в век века*” (Пс. 18, 10) — и: “*Нет лишения боящимся Его*” (Пс. 33, 10)⁷⁰.

Данное описание является наиболее близким⁷¹, более простран- ным и постоянно повторяющимся описанием прп. Никиты, который использовал часть тех же ссылок на Священное Писание для обоснования учения о первом и втором страхе Божиим.

3.2. Экзегеза Притч. 1, 7

На выделение первого и второго страха Божия особо повлияла, в частности, экзегеза первой части стиха Притч. 1, 7⁷²: «*Начало премудрости страх Божий*» (Ἀρχὴ σοφίας φόβος Θεοῦ). Первая часть Притч. 1, 7

68 См.: *Dorotheus. Doctrinae diversae* 4, 51:26–31 // SC. 92. P. 230 и далее.

69 Ср.: *Barsanuphius, Joannes. Quaestiones et responsiones ad coenobitas* (Epistulae 224–616) 394 // SC. 450. P. 454, где задаётся вопрос о связи страха Божия и памяти о суде. Ответ старца завершается следующей формулой: «Так вот, если ты хочешь проявить страх по отношению к осуждению, бегай его дел» (Εἰ θέλεις οὖν φοβηθῆναι τὴν κατάκρισιν, φεῦγε τὰ ἔργα αὐτῆς).

70 *Maximus Confessor. Capita de caritate* 1, 82 // *Massimo Confessore. Capitoli sulla carita*. P. 80.

71 Влияние прп. Максима Исповедника на прп. Никиту Стифата проявляется и в том, что прп. Никита учил о среднем уровне созерцания сущих или о природном созерцании. См.: *Τσάμης Δ. Γ. Ἡ τελείωσις τοῦ ἀνθρώπου κατὰ Νικήταν τὸν Στηθάτον*. Σ. 72.

72 Весь псаломский стих: Притч. 1, 7 Ἀρχὴ σοφίας φόβος Θεοῦ, σύνεσις δὲ ἀγαθὴ πᾶσι τοῖς ποιοῦσιν αὐτήν· εὐσέβεια δὲ εἰς Θεὸν ἀρχὴ αἰσθήσεως, σοφίαν δὲ καὶ παιδείαν ἀσεβεῖς ἐξουθενήσουσιν.

многими святыми отцами и христианскими писателями воспринималась как самостоятельное смысловое целое, таившее в себе глубокие и взаимодополняющие смыслы. Также в двух других стихах Ветхого Завета — Притч. 9, 10⁷³ и Пс. 110, 10⁷⁴ — используется очень близкий вариант: «Начало премудрости страх Господень»⁷⁵, где вместо не произносившегося в еврейском языке слова «Бог» использовалось производимое «Господь».

Слово «начало» (ἀρχή) интерпретировалось как начальная точка или как постоянная причина. Для иллюстрации второго, более созерцательного, понимания слова «начало» можно привести мысль свт. Василия, который понимал Притч. 1, 7 как указание не на одно из многих начал, а на единственное и основополагающее начало⁷⁶. Принцип «начала» означает основу и одновременно «блажую» или «благополезную цель»⁷⁷.

Премудрость (σοφία) — это прежде всего Божественная премудрость, то есть богопознание или боговидение, открывающееся тем, кто чист душой и готов жертвенно поддерживать в себе максимальную чистоту. Однако, исходя из логики Притч. 1, 7, под премудростью в христианской традиции стали понимать достижение какой-либо другой ключевой добродетели или всех добродетелей вместе. Фрагмент Притч. 1, 7 (или аналогичные стихи) использовался христианскими авторами для указания на другие добродетели, к которым приводит страх, а именно к любви⁷⁸,

Слав.: «Начало премудрости страх Господень, разум же благ всем творящим: еб: благоеетие же кх Бѡга начало чѣства, премудрость же и наказаніе нечестивѣи уничижатъ». Рус. пер.: «Начало мудрости — страх Господень; [доброе разумение у всех, водящихся им; а благоговение к Богу — начало разумения;] глупцы только презирают мудрость и наставление».

- 73 Притч. 9, 10. ἀρχὴ σοφίας φόβος κυρίου καὶ βουλὴ ἀγίων σύνεσις. Рус. син. пер.: «Начало мудрости — страх Господень, и познание Святаго — разум...».
- 74 Полный текст стиха Пс. 110, 10: ἀρχὴ σοφίας φόβος κυρίου, σύνεσις ἀγαθὴ πᾶσι τοῖς ποιοῦσιν αὐτήν. ἡ αἴνεσις αὐτοῦ μένει εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος. Рус. син. пер.: «Начало мудрости — страх Господень; разум верный у всех, исполняющих *заповеди Его*. Хвала Ему пребудет вовек».
- 75 Ср. также: Притч. 15, 33 φόβος θεοῦ παιδεία καὶ σοφία, καὶ ἀρχὴ δόξης ἀποκρίθησεται αὐτῇ. Слав. пер.: «Страх Господень наказаніе и премудрость, и начало славы отвѣщаетъ ей [*предидетъ же смиреннымъ слава]».
- 76 *Basilii Caesariensis*. In illud: In principio erat Verbum (homilia 16) // PG. 31. Col. 473:32–42.
- 77 См.: *Basilii Caesariensis*. Homiliae in hexaemeron 1, 5:39–48 // SC. 26. P. 108:8–17.
- 78 См.: Pseudo-Clementina (epitome altera auctore Symeone Metaphrasta) [Sp.] 97:7–12, особливо 9–10 // Clementinorum epitomae duae / ed. A. R. M. Dressel. Leipzig, 1873. S. 62, 64. «Направляющийся же тем страхом некто, непременно придет к любви, и таким образом будет относиться к ближнему как самому себе».

или к Богопочитанию⁷⁹, или к спасению⁸⁰. Древний экзегет Ориген под мудростью понимал Христа Спасителя. Из этого следует, что страх приводит именно ко Христу, бояться Которого подобает как Бога⁸¹.

Страх Божий (φόβος τοῦ Θεοῦ) — это и боязнь перед наказаниями, и, при более созерцательном подходе, опасение потерять уникальную Божественную высоту богообщения. Так, согласно свт. Василию Великому, страх Божий, о котором говорится в Притч. 1, 7, нужен новоначальным, а для совершенных «необходимы более основополагающие заповеди, в которых достигается всякая истина любви во Христе...»⁸². Но при небуквальном понимании страх — постоянная добродетель верующей души. Об отождествлении страха и премудрости свт. Григорий Богослов восклицает: «Единую премудрость знаю — бояться Бога!»⁸³ Согласно авве Пимену страх Божий одновременно «начало и конец»⁸⁴.

При толковании Притч. 1, 7 древние христианские экзегеты сравнивали страх с деянием, а премудрость с созерцанием. Оригену приписывается одно из первых толкований страха как деяния, а мудрости как «созерцания истины»⁸⁵. На пути духовного совершенства необходимо творить, то есть жить добродетельно, чтобы прийти к подлинному богопознанию. Боящиеся Бога, то есть живущие благочестиво, готовы питаться мудростью как духовной пищей⁸⁶. Впоследствии экзегеза

79 Eusebius. Commentaria in Psalmos LXVI // PG. 23. Col. 677:38–44, особо 38–41. «Ибо поскольку начало премудрости страх Господень, по необходимости как введение в Богопочтение страх Божий становится для всех людей...».

80 Ср. у Марка Монаха (XIII в.) при цитировании-пересказе «Лествицы» прп. Иоанна Лествичника: *Marcus Monachus. Florilegium* 37, 1:63–67 // CCSG. 72. P. 90. «Начало покаяния начало спасения — а начало спасения страх Божий». Марк Монах заменяет выражение из «Лествицы» «Начало спасения — намерение благое» (*Ioannes Climacus. Scala paradisi* 26, 13 // PG. 88. Col. 1092:20) на «Начало спасения — страх Божий», чем сосредотачивает особое внимание на добродетели страха Божия.

81 *Origenes. Fragmenta in Psalmos* 1–150 [Dub.] Ps. 84, 10 // *Pitra J. B. Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata*. Vol. 3. Paris, 1883. P. 147.

«Если начало премудрости страх Господень, а премудрость наша есть Христос, значит хорошо говорится, что Спаситель находится рядом с боящимися Его».

82 См.: *Basilii Caesariensis. Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae fusius tractatae)* 4 // PG. 31. Col. 920:2–12.

83 См.: *Gregorius Nazianzenus. In seipsum, cum rure rediisset, post ea quae a Maximo perpetrata fuerant (orat. 26)* 14 // PG. 35. Col. 1245:38–39. Μίαν σοφίαν οἶδα, τὸ φοβεῖσθαι Θεόν.

84 *Aprophthegmata patrum (collectio systematica)* (cap. 10–16) 11, 60 // SC. 474. P. 170.

85 *Origenes. Fragmenta in Psalmos* 1–150 [Dub.] Ps. 110, 10 // *Pitra J. B. Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata*. P. 230.

86 *Origenes. Selecta in Psalmos* [Dub.] (fragmenta e catenis) // PG. 12. Col. 1569:24–26.

Оригена была воспроизведена Евагрием⁸⁷ и учениками прп. Максима Исповедника в «Схолиях»: «Страхом Божиим он назвал деятельное любомудрие, от начала — конец: ибо *начало мудрости — страх Господень*»⁸⁸.

Свт. Григорий Богослов показывает определенный вектор духовного движения: не от созерцания к низшему этапу, а от страха — к мудрости, то есть созерцанию⁸⁹. Этот подход очень органичен для автора строк: «Деяние есть достижение созерцания»⁹⁰.

3.3. Экзегеза 1 Ин. 4, 18

В других толкованиях было важно показать, что любовь — вершина добродетелей — изгоняет несовершенный страх, согласно 1 Ин. 4, 18: «...*совершенная любовь изгоняет страх*» (ἀλλ' ἡ τελεία ἀγάπη ἔξω βάλλει τὸν φόβον), но оставляет страх совершенный, как в вышеприведенном толковании прп. Максима.

О преодолении страха любовью очень возвышенно и искусно писал свт. Григорий Богослов: «...Ибо *начало премудрости — страх Господень*, как некие первые пелены. А премудрость, превзойдя страх и возвысив к любви, делает нас друзьями и сыновьями Божиими вместо рабов»⁹¹. Очевидно, что в данных словах свт. Григорий Богослов понимает страх как антитезу любви, которая оказывается конечной точкой процесса духовного совершенства. По мысли свт. Григория, возникает следующая триада: страх — премудрость — любовь.

Прп. Симеон Новый Богослов максимально отразил мысль о страхе как о начале и смысле аскетической жизни в семнадцатом гимне, который называется следующим образом: «Что страх рождает любовь, а любовь искореняет страх из души и остается одна в ней, будучи Божественным и Святым духом» (Ὅτι ὁ φόβος γεννᾷ τὴν ἀγάπην, ἡ δὲ ἀγάπη ἐκρίζοι τὸν φόβον ἀπὸ τῆς ψυχῆς καὶ μένει μόνη ἐν αὐτῇ Πνεῦμα Θεῖον οὐσα καὶ Ἄγιον)⁹². Данное учение особо повлияло на учение прп. Никиты Стифата о страхе Божиим как чистом страхе Святого Духа.

87 См.: *Evagrius*. Tractatus ad Eulogium (sub nomine Nili Ancyrani) 24 // PG. 79. Col. 1125:11–20.

88 Scholia in Maximum Confessorem (Quaestio ad Thalassium 48) 13:60–61 // CCSG. 7. P. 347.

89 *Gregorius Nazianzenus*. In sancta lumina (orat. 39) 8 // PG. 36. Col. 344:1–8.

90 *Gregorius Nazianzenus*. De dogmate et constitutione episcoporum (orat. 20) 12 // PG. 35. Col. 1080:17–18. πρᾶξις γὰρ ἐπίβασις θεωρίας.

91 *Gregorius Nazianzenus*. In laudem Athanasii (orat. 21) 6 // PG. 35. Col. 1088:23–32. См. о том же: *Gregorius Nazianzenus*. In sancta lumina (orat. 39) 8 // PG. 36. Col. 344:1–7.

92 *Symeon Neus Theologus*. Hymni 17 // *Symeon Neus Theologos*. Hymnen / Prolegomena, kritischer Text, Indices besogt von A. Kambylis. Berlin; New York, 1976. (Supplementa Byzantina; Bd. 3). S. 113–142.

Сам прп. Симеон, старец прп. Никиты, несмотря на то, что в заглавии гимна указал на искоренение страха любовью, в самом гимне указывает на искоренение именно греховного страха и на насаждение в своей душе страха добродетельного, или Божия:

«...Сего корни из глубины
 Вырви вовне, Христе мой,
 И очисти души моей
 И сердца пажити,
 И насади страх
 В них Твой, Щедрый,
 И удостой укоренить
 И по-доброму возрастить,
 Чтобы он возрос на высоту
 Исполнением Твоих заповедей,
 Увеличиваясь ежечасно»⁹³.

Далее прп. Симеон усиливает образность и представляет страх как царицу, то есть как самую главную среди всех других добродетелей, которые словно «подруги и служанки» царицы помогают ей⁹⁴ — находящейся в центре круга добродетелей. Сохраняя образ укоренения и возрастания, прп. Симеон пишет о страхе как о древе, которое вырастает в окружении других более маленьких, что подразумевается, деревьев⁹⁵. Сравнение страха с царицей очень характерно для аскетической образности прп. Симеона, который в другом месте сравнивал добродетель плача с царем, побеждающим на поле брани, если ему помогают другие добродетели⁹⁶.

Однако далее текст семнадцатого гимна все больше и больше становится своеобразной диалектикой страха, как основополагающего древа, и любви, как его «цветка»⁹⁷ или «плода»⁹⁸. Цветок как образ Божественной

93 *Symeon Neus Theologus*. Hymni 17:95–105 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 116.

94 *Symeon Neus Theologus*. Hymni 17:118–122 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen / besogt von A. Kambylis. S. 117.

95 *Symeon Neus Theologus*. Hymni 17:123–129.

96 См.: Дионисий (Шлёнов), игум. Образы царской власти в византийской литературе: сравнение «царя» и «плача» у прп. Симеона Нового Богослова и их контекст // БВ. 2015. № 3–4 (18–19). С. 136–167.

97 Первое упоминание о цветке: «Ты показываешь мне чуждый цветок» (δὲίκνυσί μοι ξέγον ἄνθος (*Symeon Neus Theologus*. Hymni 17:129)). Прп. Симеон использует выражение «странный цветок», подчеркивая неотмирность цветка как плода древа страха. В следующей строке Христом называется «странным цветком»: «о, Христе мой, странный цветок» (ὦ Χριστέ μου, ξέγον ἄνθος (*Symeon Neus Theologus*. Hymni 17:130)) в обращении к Нему.

98 *Symeon Neus Theologus*. Hymni 17:135–138 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 117.

любви описывается в категориях непостижимости и постижимости, неопишуемости и опишуемости⁹⁹. В какой-то момент автор начинает описывать цветок без древа¹⁰⁰, то есть начало появления любви без страха, что означает начало мистического восхождения души на очень большую высоту. Естественно, что плод, появляющийся из цветка, оказывается еще менее связанным с деревом, чем сам цветок¹⁰¹. Отношения страха и любви особо отчетливо выражаются следующими строками:

«Страх в любви
Не находится нисколько,
Ни она, в свою очередь, вне страха
В душе не плодоносятся»¹⁰².

Далее прп. Симеон все более усиливает противопоставление страха и любви: страх относится больше к уровню чувственного, поскольку пребывает в чувственном мире, а любовь — как цветок и плод — «вне мира»¹⁰³.

Именно любовь, «цветок страха»¹⁰⁴, окажется в конце концов «большей всех»¹⁰⁵, подлинной царицей добродетелей¹⁰⁶, деревом¹⁰⁷ или вершиной духовной лестницы¹⁰⁸. Прп. Симеон Новый Богослов называет любовь «нетварной»¹⁰⁹ по сравнению с тварными реалиями мира сего, подлинной благодатью Святого Духа и Самим Божественным Духом¹¹⁰, Светом Божества¹¹¹, открывающимся внутри души «познавательно»¹¹².

- 99 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:157–169 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 118.
 100 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:175–183 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 118–119.
 101 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:184–193 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 119.
 102 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:194–197 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 119.
 103 См.: *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:210–227 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 119–120.
 104 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:343 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 124. ἄνθος εἶναι τὸ τοῦ φόβου.
 105 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:292 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 122. μείζων πάντων ἢ ἀγάπῃ.
 106 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:474–476 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 128–129.
 107 Ср.: *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:773–784 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 116.
 108 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:709–712 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 137.
 109 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:240–246 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 120–121.
 110 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:236 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 120. πνεῦμα θεῖον ἢ ἀγάπῃ.
 111 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:237 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 120. παντοῦρου γὼν φῶς καὶ φωτίζων; *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:325–327 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 123.
 112 *Symeon Neos Theologos*. Hymni 17:382–387 // *Symeon Neos Theologos*. Hymnen. S. 125.

Получение залога Божественного Духа — подлинная цель бытия человека, стремящегося к постоянному Боговидению во веки веков¹¹³. Такой мыслью завершается семнадцатый гимн, в котором, наряду с рядом глубочайших аскетических мыслей и параллелей, были особо акцентированы две добродетели: смирения¹¹⁴ и любви, о которых в сходных чертах повествовал и прп. Никита при описании круга рая с вратами смирения и любви на диаметрально противоположном расстоянии друг от друга.

Прп. Симеон в начале 17-го гимна особо выделил добродетель страха как основополагающую, которая описывается как причина всепревосходящей любви. Однако при описании высших этапов достижения любви отдельно о страхе уже ничего не было сказано. Данную «недосказанность» восполнил прп. Никита в своем учении о «страхе любви» или «чистом страхе Святого Духа», как было сказано выше.

3.4. Экзегеза Пс. 18, 10

Изучение экзегезы первой части стиха Пс. 18, 10¹¹⁵: «*Страх Господень чист (φόβος Κυρίου ἀγνός), пребывает вовек. Суды Господни истина, все праведны...*», из которого позаимствован эпитет «чистый», позволит детальнее понять общую предысторию толкования прп. Никиты¹¹⁶.

113 Об особом отношении прп. Симеона Нового Богослова и прп. Никиты Стифата к роли Святого Духа в деле спасения см.: *Pereira M. J. Beholding Beauty in Nicetas Stethatos Contemplation of Paradise // USQR. Vol. 2012. 63. P. 51–61, особо P. 55–58. См. также: Grondijfs L. H. Der Heilige Geist in den Schriften des Niketas Stethatos // BZ. 1958. Bd. 51. S. 329–354, где в частности указывалось: «Чтобы достичь этого богочеловеческого совершенства и стать способным возвыситься до “мистического богословия”, т. е. до всецелого откровения таинственных божественных истин, верующий должен пройти следующие три стадии: он должен достичь второго (следовательно, высшего) бесстрастия (ἀπάθεια) духа, затем очистить свою душу молитвой, покаянием и слезами, и, наконец, стяжать вселиние Божественной Троицы. И тогда озарения Святого Духа, соответственно очищению его души, сообщает ей откровения тайн Царствия Небесного и снимут покрывало с божественных сокровищ, в ней сокрытых». (Пер. с нем. по: *Ibid.* S. 336).*

114 *Symeon Neos Theologos*. Гимни 17:110–113 // *Symeon Neos Theologos*. Гимнен. S. 116.

115 Пс. 18, 10.

Греч.: ὁ φόβος Κυρίου ἀγνός διαμένων εἰς αἰῶνα αἰῶνος τὰ κρίματα κυρίου ἀληθινὰ δεδικαιωμένα ἐπὶ τὸ αὐτό.

Слав.: «Стрѣхъ Господень чистъ, пребываѣя въ вѣкъ вѣка: судьбы Господни истинны, оправданны въ вѣкъ...».

116 Представления об «очистительном» страхе у свт. Василия Великого возникла в экзегезе Притч. 1, 7. Тем самым Пс. 18, 10 связан с экзегезой Притч. 1, 7: «Поэтому: Начало премудрости страх Господень. А страх очистительный для души» (Διὰ τοῦτο, Ἀρχὴ σοφίας,

В Сотнице 1, 56 предлагается учение о двух видах страха. Как было раскрыто выше, прп. Никита делит страх на первый и второй: причина первого страха — наказания, причина второго страха — любовь. Однако и при достижении высоких состояний, в частности уровня второго бесстрастия, в душе остается страх — не как греховное чувство, а как опасение потерять приобретенные благодатные дары¹¹⁷. Именно при описании второго страха, как и в ряде других мест, прп. Никита называет страх Божий чистым, позаимствовав этот эпитет из Пс. 18, 10.

В патристической и святоотеческой литературе существует целая традиция использования Пс. 18, 10. Данный стих о чистоте страха Божия в основном начинал толковаться в древней александрийской традиции: Климентом Александрийским¹¹⁸, неизвестным автором под именем Оригена¹¹⁹, свт. Афанасием Александрийским¹²⁰, Евсевием и рядом других авторов. Так, например, свт. Афанасий в экзегезе данного стиха писал: «Наша чистота есть воздержание от грехов»¹²¹. «Чистый страх Господень», согласно древним экзегетам Священного Писания, означал воздержание от зла и приобретение чистоты¹²², то есть, по сути дела, был синонимом православной аскетики.

Вслед за прп. Максимом Исповедником¹²³ прп. Никита связывает понятие чистого страха Господня со вторым, более совершенным страхом, возникающим не из страха наказаний, а из стремления быть с Господом. Но, в отличие от прп. Максима, прп. Никита будет пользоваться выражением «чистый страх» как устойчивым оборотом — основным для передачи высокого представления о самом совершенном страхе. Учитель прп. Никиты Стифата прп. Симеон Новый Богослов выражением «чистый страх» не пользовался.

φόβος Κυρίου. Φόβος δὲ καθάρσιον ψυχῆς... (*Basilii Caesariensis. Homilia in principium proverbiorum 4 // PG. 31. Col. 393:30–32*).

117 См.: *Nicetas Stethatus. Centuria 2, 19 // PG. 120. Col. 909A:12–14; Centuria 2, 21 // PG. 120. Col. 909C:9–14.*

118 *Clemens Alexandrinus. Eclogae prophetae 60, 1–2 // GCS. 17. S. 154:23–25.*

119 *Origenes. Selecta in Psalmos [Dub.] (fragmenta e catenis) XVIII, 10 // PG. 12. Col. 1244:21–22.*

120 *Athanasius. Expositiones in Psalmos XVIII, 10 // PG. 27. Col. 125:14–17.*

121 *Ibid.*

122 *Didymus Caecus. Fragmenta in epistulam ii ad Corinthios (in catenis) // Pauluskommentar aus der griechischen Kirche aus Katenenhandschriften gesammelt / hrsg. von K. Staab. Münster, 1933. S. 30:16–17.*

123 *Maximus Confessor. Capita de caritate 1, 82 // Massimo Confessore. Capitoli sulla carita. P. 80. См. также: Maximus Confessor. Quaestiones et dubia 138 // CCSG. 10. P. 98–99.*

4. Выводы

Из описаний страха Божия у прп. Никиты Стифата можно сделать следующие предварительные выводы.

- Прп. Никита Стифат особо учил о втором «чистом страхе» Божиим, который он называл также страхом Духа, или духовным страхом. В данном случае он развивал учение своего духовного наставника прп. Симеона Нового Богослова, особо наглядно представленное в семнадцатом гимне Божественной любви.
- Приобретение чистого страха означает достижение высочайших состояний святости.
- Приобретение чистого страха позволяет ограждать душу от падения с очень большой высоты.
- Страх Божий описывается как своеобразное лекарство, которое на разных этапах духовного восхождения позволяет сохранить душу от падений.

III. Общие выводы

Сказанного достаточно, чтобы соотнести учение прп. Никиты о страхе с предшествующей традицией и постараться выявить его оригинальность.

Как и в предшествующей традиции, у прп. Никиты говорится и о страхе Божиим, и о страхе человеческом (хоть и без эпитета «человеческий»). Античные представления о страхе как о ключевой страсти отразились у прп. Никиты, как и у его предшественников, без достаточно строгой фиксации данных представлений. Чаще прп. Никита пишет о страхе не как о страсти, а как о добродетели.

Говоря о страхе греховном, прп. Никита называет вместе страх и печаль последствиями страдания, чем подтверждается не только его знакомство с античным учением о четырех главных страстях, но и рецепция данного учения. Учение о четырех главных добродетелях, представленное им ярче и полнее, показывает, что в некоторой степени на его богословие повлияли и античные представления о четырех родовых страстях.

Сама особая роль страха в наследии прп. Никиты раскрывается не на примере греховного страха, а на примере страха добродетельного.

- Страх Божий может совпадать с чувством богооставленности, когда его испытывает тот, кто оказался в бездне и рве. В таком случае страх Божий — это страх без Бога, страх человека, потерявшего Бога, но стремящегося Его найти.

- Страх Божий может обозначать состояние человека, вступившего с Богом в молитвенный диалог или связь, но еще не окрепшего в этом молитвенном делании.
- Страх Божий не только не пропадает на самых высоких совершенных этапах духовной жизни, входя в священный круг христианских добродетелей, но, наоборот, приобретает исключительную силу как равный или даже почти тождественный Божественной любви.

В учении о двух видах страха Божия — страха перед наказаниями и «чистого страха» Духа — прп. Никита, вслед за прп. Максимом Исповедником и прп. Симеоном Новым Богословом, развил, как внутреннее раскрытие стиха Прем. 1, 7, более систематическое учение, побуждавшее его читателей и слушателей всецело стремиться приобрести «чистый страх» Духа, или «страх любви», имеющий основополагающее значение для приобщения высшему дару Духа мудрости и ведения. В чистом страхе не остается страха как такового, но он тождественен священному трепету предстояния пред очами Божиими в преддверии вечного спасения и жизни вечной.

Источники

Античные авторы

- Aristoteles*. *Topica // Aristotelis Topica et sophistici elenchi* / ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1958 (1970 (1st edn. corr.)). P. 1–189 (Bekker P. 100a18–164b19).
- Arius Didymus*. *Liber de philosophorum sectis (epitome ap. Stobaeum) // Fragmenta philosophorum Graecorum* / ed. F. W. A. Mullach. Vol. 2. Paris: Didot, 1867. Col. 53–101.
- Galenus*. *Ars medica // Claudii Galeni Opera omnia* / ed. C. G. Kühn. Vol. 1. Leipzig: Knobloch, 1821 (Hildesheim: Olms, 1964): 305–412.
- Galenus*. *De crisibus libri iii // Galenos. Περὶ κρίσεων* / ed. B. Alexanderson. Göteborg: Elanders, 1967. (*Studia Graeca et Latina Gothoburgensia*; t. 23). P. 69–212.
- Philo Judaeus*. *Quod deterius potiori insidiari soleat // Les Œuvres de Philon d'Alexandrie* / ed. I. Feuer. Vol. 5. Lyon: Édition du Cerf, 1965. P. 21–127.
- Philo Judaeus*. *De Abrahamo // Les Œuvres de Philon d'Alexandrie* / éd. J. Gorez. Vol. 20. Lyon: Édition du Cerf, 1966). P. 22–135.

Христианские авторы

- Amphilochius*. *Iambi ad Seleucum // Amphilochii Iconiensis Iambi ad Seleucum* / ed. E. Oberg. Berlin: De Gruyter, 1969. (PTS; Bd. 9). S. 29–40.

- Apophthegmata patrum (collectio alphabetica)* // PG. 65. Col. 72–440.
- Apophthegmata patrum (collectio systematica)* (cap. 10–16) // *Les apophtegmes des pères. Collection systématique, chapitres X–XVI* / éd. J.-C. Guy. Paris: Éditions du Cerf, 2003. (SC; vol. 474).
- Athanasius. Expositiones in Psalmos* // PG. 27. Col. 60–545, 548–589.
- Barsanuphius, Joannes. Quaestiones et responsiones // Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance* / éd. F. Neyt, P. de Angelis-Noah. T. I–II. Paris: Éditions du Cerf, 1997–1998. (SC; vol. 426/427).
- Barsanuphius, Joannes. Quaestiones et responsiones ad coenobitas (Epistulae 224–616) // Correspondance (Vol. II, Aux cénobites: T. I, Lettres 224–398; T. II, Lettres 399–616)* / éd. F. Neyt, P. de Angelis-Noah. Paris: Éditions du Cerf, 2000. (SC; vol. 450/451).
- Basilii Caesariensis. Homilia in principium proverbiorum* // PG. T. 31. Col. 385–424.
- Basilii Caesariensis. In illud: In principio erat Verbum* // PG. T. 31. Col. 472–481.
- Basilii Caesariensis. Homiliae in hexaemeron // Basile de Césarée. Homélie sur l’hexaéméron* / éd. S. Giet. 2nd edn. Paris: Éditions du Cerf, 1968. (SC; vol. 26 bis).
- Basilii Caesariensis. Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae fusius tractatae)* // PG. T. 31. Col. 901–1052.
- Pseudo-Clementina (epitome altera auctore Symeone Metaphrasta) [Sp.] // Clementinorum epitomae duae* / ed. A. R. M. Dressel. 2nd edn. Leipzig: Hinrichs, 1873. S. 2–118.
- Clemens Alexandrinus. Stromata // Clemens Alexandrinus. Stromata. Buch I–VI. Bd. 2* / hrsg. von O. Stählin. Leipzig: J. C. Hinrich’ssche Buchhandlung, 1906. (GCS; Bd. 15).
- Clemens Alexandrinus. Eclogae propheticae // Clemens Alexandrinus. Bd. 3* / hrsg. von L. Früchtel, O. Stählin, U. Treu. Berlin: Akademie Verlag, 1970. (GCS; Bd. 17). S. 137–155.
- Didymus Caecus. Fragmenta in epistulam ii ad Corinthios (in catenis) // Pauluskommentar aus der griechischen Kirche aus Katenenhandschriften gesammelt* / hrsg. von K. Staab. Münster: Aschendorff, 1933. S. 14–44.
- Dorotheus. Doctrinae diversae I–XVII // Dorothee de Gaza. Oeuvres spirituelles* / éd. L. Regnault, J. de Préville. Paris: Éditions du Cerf, 1963. (SC; vol. 92). P. 146–486.
- Ephraem Syrus. Ad imitationem proverbiorum // 'Οσίου 'Εφραίμ τοῦ Σύρου Ἔργα / ἔκδ. Κ. Γ. Φραντζολᾶς. T. 1. Θεσσαλονίκη: Τὸ Περιβόλη τῆς Παναγίας, 1988 (1995). Σ. 185–280.*
- Eusebius. Commentaria in Psalmos* // PG. 23, 24. Col. 23–1396; 24–76.
- Evagrius. Practicus (capita centum) // Évagre le Pontique. Traité pratique ou le moine* / éd. A. Guillaumont, C. Guillaumont. Vol. 2. Paris: Éditions du Cerf, 1971. (SC; vol. 171).
- Evagrius. Tractatus ad Eulogium (sub nomine Nili Ancyran) // PG. T. 79. Col. 1093–1140.*
- Gregorius Nazianzenus. In sancta lumina (orat. 39) // PG. T. 36. Col. 336–360.*
- Gregorius Nazianzenus. In laudem Athanasii (orat. 21) // PG. T. 35. Col. 1081–1128.*
- Gregorius Nazianzenus. In seipsum, cum rure rediisset, post ea quae a Maximo perpetrata fuerant (orat. 26) // PG. T. 35. Col. 1228–1252.*
- Gregorius Nazianzenus. De dogmate et constitutione episcoporum (orat. 20) // PG. T. 35. Col. 1065–1080.*
- Gregorius Nyssenus. De instituto Christiano // Gregorii Nysseni Opera* / hrsg. von W. Jaeger. Bd. 8.1. Leiden: Brill, 1963. S. 40–89.

- Joannes Climacus*. *Scala paradisi* // PG. T. 88. Col. 631–1161.
- Marcus Monachus*. *Florilegium* // *Marci Monachi Opera ascetica: florilegium et sermones tres* / ed. P. Roelli. Turnhout: Brepols, 2009. (CCSG; vol. 72). P. 3–101.
- Maximus Confessor*. *Quaestiones ad Thalassium* // *Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium* / ed. C. Laga, C. Steel. 2 vols. Turnhout: Brepols, 1980, 1990. (CCSG; vol. 7, 22).
- Maximus Confessor*. *Capita de caritate* // *Massimo Confessore. Capitoli sulla carita* / ed. A. Ceresa-Gastaldo. Rome: Editrice Studium, 1963.
- Maximus Confessor*. *Quaestiones et dubia* // *Maximi Confessoris Quaestiones et dubia* / ed. J. H. Declerck. Turnhout: Brepols, 1982. (CCSG; vol. 10).
- Nicetas Stethatus*. *Vita Simeonis Novi Theologici* // *Hausherr I. Un grand mystique byzantin. Vie de Syméon le Nouveau Théologien* par Nicéas Stéthatos. Rome: Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1928. (OC; vol. 12). P. 1–230.
- Nicéas Stéthatos*. *Opuscles et lettres* / introduction, texte critique, traduction et notes J. Darrouzès. Paris: Le Cerf, 1961. (SC; vol. 81).
- Nemesius*. *De natura hominis* // *Nemesii Emeseni De natura hominis* / ed. M. Morani. Leipzig: Teubner, 1987. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana). P. 1–136.
- Origenes*. *Selecta in Psalmos* [Dub.] (fragmenta e catenis) // PG. T. 12. Col. 1053–1320, 1368–1369, 1388–1389, 1409–1685.
- Origenes*. *Fragmenta in Psalmos 1–150* [Dub.] // *Pitra J. B. Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata*. Vol. 3. Paris: Tusculum, 1883. P. 1–236, 242–245, 248–364.
- Romanus Melodus*. *Cantica* // *Romanos le Mélode. Hymnes* / éd. J. Grosdidier de Matons. Vol. 5. Paris: Éditions du Cerf, 1981. (SC; vol. 283).
- Scholia in Maximum Confessorem* // *Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium* / ed. C. Laga, C. Steel. Turnhout: Brepols, 1980. (CCSG; vol. 7).
- Symeon Neus Theologus*. *Hymni* // *Symeon Neos Theologos. Hymnen / Prolegomena, kritischer Text, Indices besogt von A. Kambylis*. Berlin; New York: De Gruyter, 1976. (Supplementa Byzantina; Bd. 3).
- Symeon Neus Theologus*. *Catecheses 23–34* // *Syméon le Nouveau Théologien. Catéchèses* / éd. B. Krivochéine, J. Paramelle. Paris: Éditions du Cerf, 1965. (SC; vol. 113).
- Symeon Neus Theologus*. *Capita theologica* // *Syméon le Nouveau Théologien. Chapitres théologiques, gnostiques et pratiques* / éd. J. Darrouzès. Paris: Éditions du Cerf, 1996. (SC; vol. 51 bis).
- Theodorus Studites*. *Epistulae* // *Theodori Studitae Epistulae* / ed. G. Fatouros. Berlin: De Gruyter, 1992. (CFHB. Series Berolinensis; Bd. XXXI/2).
- Никита Стифат, прп.* Творения. Т. 1. Богословские сочинения / пер. с древнегреч. игум. Дионисий (Шлёнов). Сергиев Посад: Изд. МДА, 2011.
- 4-я Маккавейская книга в переводе еп. Порфирия (Успенского) // Труды КДА. 1873. № 11. С. 69–107.

Литература

- Баринов Д. Н. Страх как феномен человеческого бытия // *Философская мысль*. 2018. № 5. С. 77–82.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Тайна Рая: отрывки о рае из богословских сочинений преп. Никиты Стифата по славянской «Диоптре» Филиппа Пустынника (с богословско-экзегетическим комментарием) // БВ. 2003. № 3. С. 70–128 // БВ. 2003. № 3. С. 79–90.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Образы царской власти в византийской литературе: сравнение «царя» и «плача» у прп. Симеона Нового Богослова и их контекст // БВ. 2015. № 3–4 (18–19). С. 136–167.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Фрагмент о приобщении «знанию и мудрости» в трактате «Об иерархии» (32–40) преподобного Никиты Стифата и его контекст // БВ. 2017. № 1–2 (24–25). С. 199–236.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Учение о четырех родовых добродетелях добродетелях в трактате *De virtutibus et passionibus*, приписываемому прп. Ефрему Сирину, в контексте греческой патристической традиции // Преподобный Ефрем Сирин и его духовное наследие. Материалы Четвертой международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. Москва, 27–29 апреля 2017 года / под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева). М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2019. С. 352–364.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Учение о воскресении души у свв. Симеона Нового Богослова и Никиты Стифата // Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие: Материалы Второй международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2017. С. 341–362.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Принцип «Познай себя» у прп. Никиты Стифата в контексте византийской традиции // БВ. 2018. № 1 (28). С. 96–126.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Учение прп. Никиты Стифата о «четырех главных добродетелях» в контексте античной и византийской литературы. Ч. 1, 2 // БВ. 2019. № 1 (32). С. 192–231; № 2 (33). С. 178–203.
- Дионисий (Шлёнов), игум. Страх Божий и страх человеческий // *Встреча*. 2020. № 1 (41). С. 26–29.
- Корнес К. Ф. В. Удел человека в бытии: эссе об экзистенциальном страхе как проявлении человеческого бессилия // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2014. № 1 (29). С. 93–99.
- Логиновский С. С. Страх Божий и дерзость как способы организации социального бытия в социальной мысли аввы Дорофея Газского // *Традиционные общества: неизвестное прошлое*. Материалы XV Международной научно-практической конференции / под ред. П. Б. Уварова. Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2019. С. 96–105.
- Мельникова А. П. Феномен страха Божьего в учении о спасении святителя Феофана Затворника // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. 2003. № 24. С. 25–30.

- Мухамедьянов С. А. Страх Божий и страх учительский // Педагогический альманах. Сборник трудов преподавателей кафедры педагогики. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 1998. С. 43–47.
- Подорога В. А. Имя: страх. Об одной экзистенциальной страсти // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 49–66.
- Пустовойт Ю. В. Учение о добродетелях в святоотеческой письменности // Серия «Symposium». Христианская культура на пороге третьего тысячелетия. Вып. 5. Материалы научной конференции 12–14 июня 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 84–86.
- Пустовойт Ю. В. Феномен страха в античной культуре и патристике (этико-философский анализ). Автореферат дис. ... кандидата философских наук. Тула, 2007.
- Пустовойт Ю. В. Страх как этическая категория в патристике // Гуманітарні студії. 2008. № 4. С. 177–180.
- Пустовойт Ю. В. «Страх Божий» и его современное понимание: к вопросу о «растлении смыслов» // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2013. Т. 4. № 5 (12). С. 290–294.
- Ростова Н. Н. Амбивалентность сакрального и страх Божий // Философия и культура. 2014. № 6 (78). С. 849–871.
- Сысолятин А. А. Страх в пределах человеческого существования // Казанская наука. 2014. № 5. С. 87–90.
- Фаизова Г. И. Страх как важнейшая характеристика человеческого бытия // Вестник Башкирского университета. 2008. № 3 (13). С. 628–629.
- Colpston F. A History of Philosophy. Vol. I. Greece and Rome From the Pre-Socratics to Plotinus. New York; London; Toronto; Sydney; Auckland: Image; Doubleday, 1993.
- Grondijs L. H. Der Heilige Geist in den Schriften des Niketas Stethatos // BZ. 1958. Bd. 51. S. 329–354.
- Μπετσάκος Β. Τα πάθη της φύσης και του προσώπου στον Αριστοτέλη και τον Μάξιμο Ομολογητή // Σύναξη. 2005. Τεύχος 93. Παιδείας Παιδέματα. Φεβρουάριος. Σ. 16–29.
- Pereira M. J. Beholding Beauty in Nicetas Stethatos Contemplation of Paradise // USQR. 2012. Vol. 63–34. P. 51–61.
- Τσάμης Δ. Γ. Ἡ τελείωσις τοῦ ἀνθρώπου κατὰ Νικήταν τὸν Στηθάτον. Θεσσαλονίκη: Πατριαρχικὸν Ἰδρυμα Πατερικῶν Μελετῶν, 1971. (Ἀνάλεκτα Βλατάδων; τ. 11).

Human Fear and the Fear of God According to the Teaching of St. Niketas Stethatos in the Context of the Previous Tradition

Hegumen Dionysiy (Shlenov)

PhD in Theology

Professor of the Department of Philology

at the Moscow Theological Academy

Academy, Trinity-Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

dionysij@mail.ru

For citation: Dionysiy (Shlenov A. V.), hegumen. "Human Fear and the Fear of God According to the Teaching of St. Niketas Stethatos in the Context of the Previous Tradition". *Theological Herald*, 2020, no. 4 (39), pp. 188–222 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.011

Annotation. The article reveals the teachings of the author of the XI century. Venerable Niketas Stethatos about human fear and the fear of God. Although the author writes about fear (φόβος), in many respects continuing and repeating the previous ancient and patristic tradition, he turns out to be quite original in describing two types of virtuous fear – as fear of punishment and fear of love – with special emphasis on the expression «pure fear» of God, which St. Niketas also calls «fear of the Holy Spirit» and «fear according the love». According to St. Niketas, who possesses such the highest fear, is at an absolute spiritual height and is afraid of only one thing – to lose God. The article presents a number of parallels with the preceding tradition, which make it possible to present the thought of St. Niketas.

Keywords: virtues, passions, fear, sadness, love, deification, grace.

References

- Alexanderson B. (ed.) (1967) "Galenus. De crisis libri III", in *Galenos. Peri kriseōn*. Göteborg: Elanders, pp. 69–212 (Studia Graeca et Latina Gothoburgensia; 23).
- Barinov D. N. (2018) "Strah kak fenomen chelovecheskogo bytija" [Fear as a Phenomenon of Human Existence]. *Filosofskaja mysl'*, no. 5, pp. 77–82 (in Russian).
- Ceresa-Gastaldo A. (ed.) (1963) *Massimo Confessore. Capitoli sulla carita*. Rome: Editrice Studium.
- Colpeston F. (1993) *A History of Philosophy. Vol. I. Greece and Rome From the Pre-Socratics to Plotinus*. New York; London; Toronto; Sydney; Auckland: Image; Doubleday.
- Darrouzès J. (ed.) (1961) *Nicéas Stéthatos. Opuscules et lettres*. Paris: Le Cerf (SC; 81).
- Darrouzès J. (ed.) (1996) *Syméon le Nouveau Théologien. Chapitres théologiques, gnostiques et pratiques*. Paris: Éditions du Cerf (SC; 51 bis).
- Declerck J. H. (ed.) (1982) *Maximi Confessoris Quaestiones et dubia*. Turnhout: Brepols (CCSG; 10).
- Faizova G. I. (2008) "Strah kak vazhnejshaja harakteristika chelovecheskogo bytija" ["Fear as the Most Important Characteristic of Human Existence"]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, no. 3 (13), pp. 628–629 (in Russian).
- Fatouros G. (ed.) (1992) *Theodori Studitae Epistulae*. Berlin: De Gruyter (CFHB. Series Bero-linensis; XXXI/2).

- Feuer I. (ed.) (1965) "Philo Judaeus. Quod deterius potiori insidiari soleat", in *Les Œuvres de Philon d'Alexandrie*. Lyon: Édition du Cerf, vol. 5, pp. 21–127.
- Früchtel L., Stählin O., Treu U. (eds.) (1970) "Clemens Alexandrinus. Eclogae propheticæ", in *Clemens Alexandrinus*. Berlin: Akademie Verlag, vol. 3, pp. 137–155 (GCS; 17).
- Giet S. (ed.) (1968) *Basile de Césarée. Homélie sur l'hexaéméron*. Paris: Éditions du Cerf (SC; 26 bis).
- Gorez J. (ed.) (1966) "Philo Judaeus. De Abrahamo", in *Les Œuvres de Philon d'Alexandrie*. Lyon: Édition du Cerf, vol. 20, pp. 22–135.
- Grondijs L. H. (1958) "Der Heilige Geist in den Schriften des Niketas Stethatos". *BZ*, vol. 51, pp. 329–354.
- Guillaumont A., Guillaumont C. (eds.) (1971) *Évagre le Pontique. Traité pratique ou le moine*. Paris: Éditions du Cerf, vol. 2 (SC; 171).
- Guy J.-C. (2003) "Les apophtegmes des pères. Collection systématique, chapitres X–XVI". Paris: Éditions du Cerf, vol. 2, pp. 14–416 (SC; 474).
- Hausherr I. (ed.) (1928) "Nicetas Stethatus. Vita Simeonis Novi Theologici", in *Un grand mystique byzantin. Vie de Syméon le Nouveau Théologien par Nicéas Stéthatos*. Rome: Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, pp. 1–230 (OC; 12).
- Jaeger W. (ed.) (1963) "Gregorius Nyssenus. De instituto Christiano", in *Gregorii Nysseni Opera*. Leiden: Brill, vol. 8.1, pp. 40–89.
- Kambylis A. (ed.) (1976) *Syméon le Nouveau Théologien. Hymnen*. Berlin; New York: De Gruyter (Supplementa Byzantina; 3).
- Korsnes K. F. (2014) "Udel cheloveka v bytii: jesse ob jekzistencial'nom strahе kak projavlenii chelovecheskogo bessilija" ["The Destiny of Man in Being: an Essay on Existential Fear as a Manifestation of Human Impotence"]. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, no. 1 (29), pp. 93–99 (in Russian).
- Krivochéine B., Paramelle J. (eds.) (1965) *Syméon le Nouveau Théologien. Catéchèses*. Paris: Éditions du Cerf (SC; 113).
- Laga C., Steel C. (eds.) (1980) *Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium*. Turnhout: Brepols (CCSG; 7).
- Laga C., Steel C. (eds.) (1980; 1990) *Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium, 2 vols*. Turnhout: Brepols (CCSG; 7, 22).
- Loginovskij S. S. (2019) "Strah Bozhij i derzost' kak sposoby organizacii social'nogo bytija v social'noj mysli avvy Dorofeja Gazskogo" ["Fear of God and Audacity as Ways of Organizing Social Existence in the Social Thought of Abba Dorotheus of Gaza"], in Uvarov P. B. (ed.) *Tradicionnye obshhestva: neizvestnoe proshloe. Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Traditional Societies: the Unknown Past. Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference]. Cheljabinsk: Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogičeskij universitet, pp. 96–105 (in Russian).
- Mel'nikova A. P. (2003) "Fenomen straha Bozh'ego v učenii o spasenii svjatitelja Feofana Zatvornika" ["The Phenomenon of the Fear of God in the Doctrine of the Salvation of St. Theophan the Recluse"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo*, no. 24, pp. 25–30 (in Russian).

- Morani M. (ed.) (1987) *Nemesii Emeseni De natura hominis*. Leipzig: Teubner, pp. 1–136 (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Mpetsakos B. (2005) “Ta pathē tēs physēs kai tou prosōpou ston Aristotelē kai ton Maximo Omologētē” [“The Passions of Nature and of Face in Aristotle and Maximus the Confessor”]. *Synaxē*, issue 93, pp. 16–29 (in Greek).
- Muhamed’janov S. A. (1998) “Strah Bozhij i strah uchitel’skij” [“The Fear of God and the Didactic Fear”], in *Pedagogicheskij al’manah. Sbornik trudov prepodavatelej kafedry pedagogiki* [Pedagogical Almanac. Collection of Works of Teachers of the Department of Pedagogy]. Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. M. Akmully, pp. 43–47 (in Russian).
- Neyt F., Angelis-Noah P. (eds.) (1997; 1998) *Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance*. Paris: Éditions du Cerf, vols. 1, 2 (SC; 426, 427).
- Neyt F., Angelis-Noah P. (eds.) (2000) *Barsanuphius, Joannes. Correspondance, vol. 1, 2*. Paris: Éditions du Cerf (SC; 450, 451).
- Oberg E. (ed.) (1969) “Amphilochius. Iambi ad Seleucum”, in *Amphilochii Iconiensis iambi ad Seleucum*. Berlin: De Gruyter, pp. 29–40 (PTS; 9).
- Pereira M. J. (2012) “Beholding Beauty in Nicetas Stethatos Contemplation of Paradise”. *USQR*, vol. 63, 3; 4, pp. 51–61.
- Phrantzolās K. G. (ed.) (1988) “Ephraem Syrus. Ad imitationem proverbiorum”, in *Hosiu Ephraim tou Syrou Erga (Saint Ephraim the Syrian Works)*. Thessalonikē: To Peribolē tēs Panagias, vol. 1, pp. 185–280.
- Podoroga V. A. (2020) “Imja: strah. Ob odnoj jekzistencial’noj strasti” [“Name: Fear. About One Existential Passion”]. *Filosofskij zhurnal*, vol. 13, no 3, pp. 49–66 (in Russian).
- Pustovojt Ju. V. (2000) “Uchenie o dobrodeteljah v svjatootecheskoj pis’mennosti” [“The Doctrine of Virtues in Patristic Literature”], in *Hristianskaja kul’tura na poroge tret’ego tysjacheletija. Vyp. 5. Materialy nauchnoj konferencii 12–14 ijunja 2000 g.* [Christian Culture on the threshold of the third millennium. Issue 5. Proceedings of the scientific conference 12–14 June 2000]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, pp. 84–86 (Symposium) (in Russian).
- Pustovojt Ju. V. (2007) *Fenomen straha v antichnoj kul’ture i patristike (etiko-filosofskij analiz). Avtoreferat dis. ... kandidata filosofskih nauk* [The Phenomenon of Fear in Ancient Culture and Patristics (Ethical and Philosophical Analysis). Abstract of the PhD Thesis in Philosophical Sciences]. Tula: B. i. (in Russian).
- Pustovojt Ju. V. (2008) “Strah kak eticheskaja kategorija v patristike” [“Fear as an Ethical Category in Patristics”]. *Gumanitarni studii*, no. 4, pp. 177–180 (in Ukrainian).
- Pustovojt Ju. V. (2013) ““Strah Bozhij’ i ego sovremennoe ponimanie: k voprosu o ‘rastlenii smyslov’” [“The Fear of God’ and its Modern Understanding: on the Question of ‘Corruption of Meanings’”]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS*, vol. 4, no. 5 (12), pp. 290–294 (in Russian).
- Regnault L., Préville J. (eds.) (1963) “Dorotheus. Doctrinae diversae I–XVII”, in *Dorothee de Gaza. Oeuvres spirituelles*. Paris: Éditions du Cerf, pp. 146–486 (SC; 92).
- Roelli P. (ed.) (2009) “Marcus Monachus. Florilegium”, in *Marci Monachi Opera ascetica: florilegium et sermones tres*. Turnhout: Brepols, pp. 3–101 (CCSG; 72).

- Romanus Melodus (1981) "Cantica", in J. Grosdidier de Matons (ed.) *Romanos le Mélode. Hymnes*. Paris: Éditions du Cerf, vol. 5 (SC; 283).
- Ross W. D. (ed.) (1958) "Aristoteles. Topica", in *Aristotelis topica et sophistic elenchi*. Oxford: Clarendon Press, pp. 1–189 (100a18–164b19).
- Rostova N. N. (2014) "Ambivalentnost' sakral'nogo i strah Bozhij" ["Ambivalence of the Sacred and the Fear of God"]. *Filosofija i kul'tura*, no. 6 (78), pp. 849–871 (in Russian).
- Shlenov D. (2003) "Tajna Raja: otrvyki o rae iz bogoslovskih sochinenij prep. Nikity Stifata po slavjanskoj 'Dioptre' Filippa Pustynnika (s bogoslovsko-jekzegeticheskim kommentariem)" ["The Mystery of Paradise: Passages About Paradise from the Theological Writings of the St. Niketas Stethatos According to Slavic 'Diopters' Philip the Hermit (with a Theological and Exegetical Commentary)"]. *Bogoslovskij vestnik*, no. 3, pp. 70–128 (in Russian).
- Shlenov D. (ed.) (2011) *Nicétas Stéthatos. Tvoreniya. T. 1. Bogoslovskie sochineniya [Works. Vol. 1. Theological Works]*. Sergiyev Posad: MThA (in Russian).
- Shlenov D. (2015) "Obrazy carskoj vlasti v vizantijskoj literature: sravnenie 'carja' i 'placha' u prp. Simeona Novogo Bogoslova i ih kontekstju" ["Images of Tsar's Power in Byzantine Literature: a Comparison of the 'King' and 'Lamentation' in the St. Simeon the New Theologian and Their Context"]. *Bogoslovskij vestnik*, no. 3–4 (18–19), pp. 136–167 (in Russian).
- Shlenov D. (2017) "Fragment o priobshhenii 'znaniyu i mudrosti' v traktate 'Ob ierarhii' (32–40) prepodobnogo Nikity Stifata i ego kontekst" ["A Fragment on the Participation to Knowledge and Wisdom in the Treatise 'On Hierarchy' (32–40) by St. Niketas Stethatos and its Context"]. *Bogoslovskij vestnik*, no. 1–2 (24–25), pp. 199–236 (in Russian).
- Shlenov D. (2017) "Uchenie o voskresenii dushi u svv. Simeona Novogo Bogoslova i Nikity Stifata" ["The Doctrine of the Resurrection of the Soul in Sts. St. Simeon the New Theologian and Niketas Stethatos"], in *Prepodobnyj Simeon Novyj Bogoslov i ego duhovnoe nasledie: Materialy Vtoroj mezhdunarodnoj patristicheskoj konferencii Obshhecerkovnoj aspirantury i doktorantury imeni svjatyh Kirilla i Mefodija [St. Simeon the New Theologian and His Spiritual Heritage: Proceedings of the Second International Patristic Conference of the General Church Postgraduate and Doctoral Studies Named after Saints Cyril and Methodius]*. Moscow: Obshhecerkovnaja aspirantura i doktorantura im. svv. Kirilla i Mefodija, pp. 341–362 (in Russian).
- Shlenov D. (2018) "Princip 'Poznaj sebja' u prp. Nikity Stifata v kontekste vizantijskoj tradicii" ["The Principle of 'Know Thyself' in St. Niketas Stethatos in the Context of the Byzantine Tradition"]. *Bogoslovskij vestnik*, no. 1 (28), pp. 96–126 (in Russian).
- Shlenov D. (2019) "Uchenie o chetyreh rodovyh dobrodeteljah dobrodeteljah v traktate 'De virtutibus et passionibus', pripisyvajushemusja prp. Efremu Sirinu, v kontekste grecheskoj patristicheskoj tradicii" ["The Doctrine of the four General Virtues in the Treatise 'De Virtutibus et Passionibus', Attributed to St. Ephraim the Syrian, in the Context of the Greek Patristic Tradition"], in Alfeev I. (ed.) *Prepodobnyj Efrem Sirin i ego duhovnoe nasledie. Materialy Chetvertoj mezhdunarodnoj patristicheskoj konferencii Obshhecerkovnoj aspirantury i doktorantury imeni svjatyh Kirilla i Mefodija. Moskva, 27–29 aprelya 2017 goda [St. Ephraim the Syrian and His Spiritual Heritage. Proceedings of the Fourth International Patristic Conference of the General Church Postgraduate and Doctoral Studies Named*

- after Saints Cyril and Methodius. Moscow, 27–29 April 2017*]. Moscow: Obshhecerkovnaja aspirantura i doktorantura im. svv. Kirilla i Mefodija, pp. 352–364 (in Russian).
- Shlenov D. (2019) “Uchenie prp. Nikity Stifata o ‘chetyreh glavnyh dobrodeteljah’ v kontekste antichnoj i vizantijskoj literatury” [“The Teaching of the St. Niketas Stethatos About the ‘Four General Virtues’ in the Context of Ancient and Byzantine Literature”]. Parts 1, 2. *Bogoslovskij vestnik*, no. 1 (32). С. 192–231; № 2 (33). С. 178–203 (in Russian).
- Shlenov D. (2020) “Strah Bozhij i strah chelovecheskij” [“The Fear of God and the Fear of Man”]. *Vstrecha*, no. 1 (41), pp. 26–29 (in Russian).
- Sysoljatin A. A. (2014) “Strah v predelah chelovecheskogo sushhestvovaniija” [“Fear Within the Limits of Human Existence”]. *Kazanskaja nauka*, no. 5, pp. 87–90 (in Russian).
- Tsamēs D. G. (1971) *Hē teleiōsis tou anthrōpou kata Nikētan ton Stēthaton* [The Perfection of Man According to the Teaching of St. Niketas Stethatos]. Thessalonikē: Patriarchikon Hidryma Paterikōn Meletōn (Analekta Blatadōn; 11) (in Greek).